

УДК: 001.01

DOI: 10.15372/PS20250615

END: WIZTCC

В.П. Горан

**ВЛИЯНИЕ Р. ДЕКАРТА
НА ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ НАУКИ
И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ И НАУКИ:
И. НЬЮТОН И Ф. М. ВОЛЬТЕР**

Рассмотрено соотношение обращений к творчеству Декарта, одной стороны, Ньютона и, с другой, – Вольтера. У Ньютона выделены как внимание к тому у Декарта, что он, Ньютон, оценивал положительно, так и то, в чем их позиции были не только существенно различными, но взаимоисключающими. У Вольтера особое внимание уделено его сопоставлению вкладов Декарта и Ньютона в создание нововременной науки. При высокой оценке соответствующих достижений Ньютона Вольтером подчеркнуто, что все же именно Декарту принадлежит заслуга направления европейской науки «по пути истины», т. е. того пути, успехи на котором приумножены затем Ньютоном. Вместе с тем, при рассмотрении реализации Вольтером этой сравнительной оценки позиций Декарта и Ньютона зафиксировано уделение им внимания и к тем составляющим взглядов Декарта, которые Вольтер оценил как ошибочные. При этом зафиксированы проявления непоследовательности в мировоззренческой и философской позициях самого Вольтера. Он утверждает, что объяснение движения чего бы то ни было в мироздании невозможно без признания у него внешнего источника. Таким внешним для всего телесного источником движения сам Вольтер объявил бога, назвав его имеющим волю верховным разумом. Вместе с тем, такую же позицию Декарта Вольтер оценивает как ошибочную. У Вольтера имеет

место и признание, определено в противовес Декарту, человека обладающим самостоятельной активностью. Подчеркнуто, что, когда Вольтер оценивает те или иные позиции Декарта как ошибочные, делает он это с позиции учета достижений прежде всего в науке о природе непосредственно Ньютона, которые обеспечивали для новоевропейской философии перспективу утверждения отчетливо материалистической составляющей.

Ключевые слова: Декарт, Ньютон, Вольтер, философия, наука, математика, истина, природа, законы природы, материализм, материя, тело, пустота, бог, идеализм, душа.

V.P. Goran

**THE INFLUENCE OF R. DESCARTES ON
THE SUBSEQUENT DEVELOPMENT
OF THE MATERIALISTIC COMPONENT
OF PHILOSOPHY OF MODERN TIME AND SCIENCE:
I. NEWTON AND F. M. VOLTAIRE**

The ratio of appeals to the work of Descartes, on the one hand, Newton and, on the other hand, Voltaire, is considered. Newton highlighted both the attention to Descartes's that he, Newton, assessed positively, and that in which their positions were not only significantly different, but mutually exclusive. Voltaire paid special attention to his comparison of the contributions of Descartes and Newton to the creation of modern science. While appreciating the corresponding achievements of Newton, Voltaire emphasized that it was Descartes who had the merit of directing European science "along the path of truth", that is, the path on which successes were then multiplied by Newton. At the same time, when considering Voltaire's implementation of this comparative assessment of the positions of Descartes and Newton, it was recorded that they paid attention to those components of Descartes' views that Voltaire assessed as erroneous. . At the same time, manifestations of inconsistency in the worldview and philosophical positions of Voltaire himself were recorded. He argues that the explanation of the movement of anything in the universe is impossible without recognizing an external source from him. Voltaire himself declared God to be such an external source of movement for everything bodily, calling him the supreme mind having a will. At the same time, Voltaire assesses the same position of Descartes as erroneous. Voltaire also recognizes, definitely in contrast to Descartes,

a person with independent activity. It is emphasized that when Voltaire evaluates certain positions of Descartes as erroneous, he does this from the standpoint of taking into account the achievements, first of all, in the science of nature directly by Newton, which provided for the new European philosophy the prospect of establishing a distinctly materialistic component.

Keywords: Descartes, Newton, Voltaire, philosophy, science, mathematics, truth, nature, laws of nature, materialism, *matter*, body, emptiness, god, idealism, soul.

В предыдущей моей статье [9] оценено насколько весомым в своей радикальности был вклад *Бенедикта Спинозы* (1632–1677 гг.) в разработку материалистической составляющей философии *Рене Декарта* (1596–1650 гг.). Там же предметом особого внимания были достижения Спинозы в деле преодоления ущербности этой составляющей у самого Декарта. Но и у Спинозы эти достижения сочетались с декларативным использованием концепта бога. Хотя в содержательной трактовке этого концепта Спинозой было совершенно исключено традиционное для религиозного сознания понимание того, что он именовал богом. Следующий заметный шаг в преодолении религиозного миропонимания был сделан уже в следующем столетии. Его совершили французские материалисты XVIII в. Но рассмотрение их учений в качестве одного из этапов развертывания материалистического направления в новоявленной философии, заметный вклад в каковое был сделан Декартом, я планирую сделать позже – в отдельных, последующих, статьях. А вот в области собственно мировоззрения, т. е. воззрений напрямую на мир посредством открытия совокупности законов, по которым осуществляется происходящее в этом мире, результативным продолжением, разумеется, весьма своеобразным, тех интеллектуальных усилий, которые осуществил Декарт, были в 17–18 вв. достижения *Исаака Ньютона* (1642–1727 гг.).

И здесь уместно коснуться причины внимания в данной статье к соотношению обращения Ньютона к творчеству Декарта с обращением к нему и *Франсуа Мари Вольтера* (1694–1778 гг.). Ведь Ньютон – английский мыслитель, а Вольтер – континентальный. А островная английская и континентальная европейская культурные традиции, особенно в этот период западной истории, не только были далеко не едиными, но в весьма существенных

для них пунктах альтернативными. И в этой интеллектуальной ситуации континентальный мыслитель Вольтер оказавшись в Англии и познакомившись там с эпохальными для того периода становления новоевропейской науки достижениями Ньютона, настолько проникся ими, что сделал их основой как своих собственных воззрений, так и оценок взглядов всех тех авторов, которых он касался в своих произведениях, в том числе и Декарта. Так что рассмотрение и сопоставление в настоящей статье отношения к учению Декарта Ньютона и Вольтера оправдано.

Начну с Ньютона. Хотя он весьма демонстративно позиционировал себя как сторонник и продолжатель традиции нововременного английского эмпирицизма, все же показательным при этом не может не восприниматься то, как он назвал свое главное произведение. Ведь назвал он его «Математические начала натуральной философии» (1687 г.). Как видим, речь в нем он ведет о «началах философии». И наряду с фиксацией, что, во-первых, это – философия натуральная, т. е. та, в которой предмет внимания – природа (натура), в этом названии акцентируется, во-вторых, что начала эти математические. И обе эти конкретные моменты специфики использования Ньютоном отмеченных мной терминов в названии его главного труда создают впечатление об определенной степени преемственности и с терминологией Декарта. Ведь и Декарт как делал природу одним из важнейших для него предметов внимания, так и делал это с акцентом на то, что осуществляться это должно с опорой на использование достижений математики, в том числе и достижений, принадлежащих ему самому. Эта особенность позиции Декарта воспроизводится и Ньютоном. Хотя Ньютон делает это, как мы сейчас увидим, весьма своеобразно. Он ведь также устанавливает математические начала именно своего варианта учения о природе с опорой и на собственные достижения в математике. Впрочем, и сами по себе они тоже представляли собой, во всяком случае, отчасти, существенное усовершенствование результатов Декарта. Хотя, и эти результаты Декарта (в написанном в 1713 г «Предисловии» ко второму изданию основного произведения Ньютона его активный помощник в публикационной деятельности) Рожер Котес настойчиво характеризовал как «догматы», которым «небесная

физика» Ньютона «противоречит» «и едва ли может быть с ними согласована» (см.: [11, с. 13]). А построил Ньютон то, что Котес назвал небесной физикой, предельно строго и тщательно учитывая собственные экспериментальные результаты в соответствии с традиционной для английской интеллектуальной элиты установкой на учет эмпирических исследований. Это и обеспечило Ньютону весьма стройное построение своей физической теории. Вместе тем, для Ньютона, как и для Декарта, характерны теологические рассуждения, включающие выставление своих научных достижений как идущих на укрепление веры в бога.

Ньютон, по его признанию, был верующим в бога. Причем верой его был унитаризм. Была эта разновидность веры нестандартной для Англии тех времен настолько, что Ньютон вынужден был ее публично не провозглашать, опасаясь преследования (вплоть до смертной казни) со стороны господствовавшей там англиканской церкви. По-видимому, не в последнюю очередь этим можно объяснить то, что в своем главном произведении он при рассмотрении природных феноменов обходится без ссылок на бога, так что его трактовка природы фактически получилась преимущественно материалистической. Только в конце этого его произведения имеется фрагмент текста, в котором, без какого бы то ни было даже намека на обоснование, утверждается, что, будучи совершенно бестелесным, бог все же вездесущ, контролирует все в телесном мире и управляет всем в нем происходящем (см.: [12, с. 659 – 661]). И конкретно в этом признании бога бестелесным, тем самым и внетелесным, но, тем не менее, детерминирующим в телесном мироздании всё без какого бы то ни было изъятия, Ньютон тоже (при наличии и своеобразия его теологических воззрений) солидарен с Декартом.

После этих предварительных соображений и замечаний обращаясь теперь к конкретным проявлениям определенного воспроизведения Ньютоном позиций Декарта. Продолжу проявление уже обозначенного мной выше внимания к названиям главных книг этих авторов. Вернусь к тому, что если у Декарта главная книга называется «Первоначала философии» (*Principia Philosophia*) (1644 г.), то у Ньютона – «Математические начала натуральной философии» (*Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*)

(1687 г.) (обе написаны на латинском языке). Книга Ньютона – результат двадцатилетних исследований, так что от публикации главной работы Декарта начало получения результатов тоже главной работы Ньютона отделяет всего 23 года. Присмотримся с интересом, которого, как, надеюсь, это заслуживает, к тем имеющимся в названиях этих их книг словосочетаниям, которые дают повод воспринимать их как повторяющиеся. Действительно, у обоих наших авторов в названиях их книг повторяется словосочетание «...начала... философии»: *Principia Philosophiae* (Декарт) и *Philosophiae... Principia* (Ньютон). А ведь оно определяет далеко не маловажную для каждого из них особенность того, что каждый из них пожелал названием своей книги подчеркнуть в качестве выражения смысловой специфики ее содержания. А так как свою книгу Ньютон создавал, когда книга Декарта уже существовала, то таким ее названием наш английский автор как бы дает повод полагать, что ее следует воспринимать как его переключку с французским мыслителем. Вряд ли есть основание всерьез отнестись к такому поводу. Но и поразмышлять над этим небесполезно. Ведь при этом оказывается весьма показательным уточнение того, в чем их позиции реально отличаются, причем в существенной степени. А это дает повод сделать их отличие предметом внимания.

Оно – вполне в духе специфики английской философской традиции, для которой характерна опора концептуальных построений на эмпирический фундамент. Причем Ньютон отличием названия своей книги от названия книги Декарта наглядно зафиксировал, что в ней речь идет не об абстрактных первоначалах философии вообще, как это имеет место у французского автора. Напротив, объектом своего внимания Ньютон делает весьма конкретную область знаний – только математические начала, да и, опять-таки, не всей философии вообще, а тоже вполне конкретной ее составляющей – философии натуральной, то есть, если выражаться с использованием соответствующей современной терминологии – науки о природе.

Как, я надеюсь, сейчас будет наглядно продемонстрировано, имела место определенная степень не только отличия воззрений Ньютона на природу от соответствующих воззрений

Декарта, но и преемственности между ними. И весьма заметно это по тем трем – и у одного, и у другого – положениям, которые каждый из них выделял в качестве законов природы, причем оценивал их как законы, можно сказать, фундаментальные. Привожу эти положения, как они сформулированы и Декартом, и Ньютоном.

У Декарта их формулировка следующая. *«Первый закон природы: всякая вещь пребывает в том состоянии, в каком она находится, пока ее что-либо не изменит»* [10, с. 368] (курсив Декарта). Декларируется, как видим, непризнание у телесных вещей способности самодвижения: изменить состояние, в котором они пребывают, способно только «что-либо», стало быть, нечто, подействовавшее на них извне. *«Второй закон природы: всякое движущееся тело стремится продолжать свое движение по прямой»* [10, с. 369] (курсив Декарта). Здесь утверждается, что само «тело стремится продолжать», т. е. сохранить имеющееся у него движение, что таков именно «закон природы». *«Третий закон: если движущееся тело встречает другое, более сильное тело, оно ничего не теряет в своем движении; если же оно встречает более слабое, которое оно может подвинуть, то оно теряет столько движения, сколько сообщает»* [10, с. 371] (курсив Декарта).

А вот формулировки трех законов движения у Ньютона. **«Закон I.** *Всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние»* [12, с. 39] (жирный шрифт и курсив Ньютона). **«Закон II.** *Изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует»* [12, с. 40] (жирный шрифт и курсив Ньютона). **«Закон III.** *Действию всегда есть равное и противоположное противодействие, иначе – взаимодействия двух тел друг на друга между собою равны и направлены в противоположные стороны»* [12, с. 41] (жирный шрифт и курсив Ньютона).

Заслуживают первоочередного внимания проявления преемственности между Ньютоном и Декартом в том, что утверждается

приведенными их формулировками. Это – непризнание самодвижения у телесных вещей (первый и второй законы у Декарта и первый закон у Ньютона); признание равномерного и прямолинейного движения либо покоя у телесных вещей при отсутствии внешнего воздействия на них (второй закон у Декарта и первый закон у Ньютона). Были ли у Ньютона проявления этой преемственности результатом опоры при формулировке соответствующих утверждений непосредственно на тексты Декарта, или же эти положения стали к этому времени широко распространенными в научных кругах Европы, сказать не берусь. Но то, что эти проявления имели место, как видим, – исторический факт. Столь же существенно для предпринимаемого мной исследования отметить теперь также и то, в чем Ньютон существенно разошелся с Декартом при изложении того, что он характеризовал здесь как законы движения. Это – его утверждения о пропорциональности изменения количества движения действующей извне силе (закон II), а также о равенстве и противоположной направленности действия взаимодействующих тел (закон III).

Немаловажно в контексте нынешних моих исследовательских задач зафиксировать то, в чем Ньютон воспроизвел Декарта и этим признал значимость его достижений в постижении не только законов природы, которые оба оценивали как фундаментальные. Значимым представляется и то, что Ньютон в своем фундаментальном произведении не упускал возможности специально отмечать и другие составляющие бесспорного вклада Декарта в исследование природы. Действительно, Ньютон проявил себя как весьма внимательный к выводу Декарта, который тот сделал относительно отражения и преломления света. Вот этот его текст. «От... движений частицы под действием... притяжений почти не отличается отражение и преломление света, совершающееся в постоянном отношении секансов, как это найдено *Снеллиусом*, следовательно и в постоянном отношении синусов, как это изложено *Декартом*» [12, с. 284] (курсив Ньютона). Как видим, Ньютон действительно продемонстрировал здесь пристальное внимание к выводу, который сделал Декарт относительно отражения и преломления света. При этом Ньютон отмечает, что сделал Декарт этот вывод, реализуя геометрический подход

(«постоянное отношение синусов») при рассмотрении ситуации с отражением и преломлением света.

Также и в ХСVII-м, по нумерации Ньютона, «Предложении» к тому, что он именуется «законом притяжения», утверждается: «*Полагая, что синус угла падения на какую-либо поверхность находится в постоянном отношении к синусу угла выхода...*» [12, с. 285] (курсив Ньютона). А в «*Следствии 1*» (курсив Ньютона) из этого «закона» он фиксирует получение им всех тех кривых, «которые исследованы *Декартом* в оптике и геометрии по отношению к преломлению света» [12, с. 286] (курсив Ньютона). При этом Ньютон констатирует, что «Декарт скрыл, каким образом он их изобрел...» [Там же]. И здесь налицо проявление Ньютоном значительного внимания к результатам в конкретных направлениях исследовательской активности Декарта.

Если в рассмотренных только что конкретных случаях речь у Ньютона шла о реальных достижениях Декарта, причем как того автора, который опирался при этом на свои достижения в математике и оптике, то через почти полторы сотни страниц Ньютон отмечает «противность» одной из позиций Декарта его, Ньютона, выводу относительно свойства, которое «принадлежит всем телам, над которыми можно производить испытания» [12, с. 517]. Впрочем, Ньютон признает уместным отметить здесь и то, что в этом пункте позиция Декарта совпадает с позицией Аристотеля. А суть этой их позиции в трактовке Ньютона следующая. «Если бы эфир или какое-либо иное тело или совершенно был бы лишен тяжести, или же тяготел бы менее, нежели соответственно массе его, тогда (согласно *Аристотелю, Декарту* и др.), не отличаясь от других тел ничем, разве только формой материи, он мог бы изменением формы быть постепенно переведен в тело таких же свойств, как и те, которые тяготеют в точности пропорционально своим массам, и наоборот; вполне тяжелые тела при постепенном изменении формы тогда могли бы постепенно утрачивать свой вес, и следовательно, веса тел зависели бы от формы их, в противность доказанному в предыдущем следствии» [Там же] (курсив Ньютона). А в этом «предыдущем следствии» Ньютон однозначно фиксирует, что «вес тел не зависит от формы их или строения их, ибо, если бы он мог изменяться вместе с формой, то он

был бы больше или меньше при разной форме и равной массе, что противоречит опыту» [Там же]. Как видим, противоречие какого бы то ни было утверждения опыту для Ньютона равнозначно его ложности. И когда Ньютон фиксирует у Декарта такие утверждения, он их отвергает как несомненно ложные.

Обращусь теперь к Франсуа Мари Вольтеру. Делаю это, придавая значение тому историко-философскому факту, что ему принадлежат как едва ли не первоначальное сопоставление вкладов в становление новоевропейской физики и в ее обеспеченность математическим инструментарием, с одной стороны, Декарта и, с другой, Ньютона, так и оценка значимости этих их вкладов. Причем и сопоставление, и оценка, как, надеюсь, мы сейчас убедимся в этом, выполнены Вольтером весьма тщательно. И наличие в результатах его творческой активности этой составляющей было естественным. Ведь и на формирование, и на последующую разработку мировоззренческих и философских взглядов Вольтера оказали влияние, наряду с другими достижениями европейской философии и науки, и рационализм в философии и конкретнаучные результаты Декарта, и, в не меньшей степени, математические и естественнонаучные достижения Ньютона.

Вместе с тем, приоритет во всем этом Декарта для Вольтера очевиден. Вот оценка Вольтером этой ситуации. «Я не считаю возможным, чтобы действительно кто-то осмелился свести на нет его философию в сравнении с философией Ньютона; первая – это опыт, вторая – шедевр; но тот, кто направил нас по пути истины, быть может, вполне равен тому, кто после него завершил этот путь» [1, с. 134]. И здесь же далее Вольтер следующим образом оценивает сделанное Декартом: «Декарт дал слепцам зрение, и они узрели ошибки античности и свои собственные. Дорога, которую он открыл, стала после него бескрайней» [Там же]. Нельзя не признать: оценка здесь Вольтером вклада Декарта в развитие знаний не просто высокая, а признающая эпохальную значимость уровня этого вклада.

Столь же высокую оценку дает Вольтер вкладу Декарта в развитие конкретно геометрии, также сопоставляя этот его вклад с соответствующими успехами Ньютона. Это была реакция Вольтера на оценки этого вклада, имевшие тогда место в Лон-

доне. Привожу этот его текст. В Лондоне «осмелились утверждать, будто Декарт не был великим геометром. Те, кто ведет подобные речи, могут упрекнуть себя в том, что они избивают свою кормилицу. Декарт проделал такой огромный путь от того уровня, на каком он застал геометрию, до того, насколько он ее продвинул, что Ньютон был лишь его эпигоном: Декарт первый нашел способ алгебраического выражения уравнений кривизны. Благодаря ему эта геометрия, ставшая ныне общедоступной, была для его времени настолько глубокой, что ни один профессор не отважился взяться за ее истолкование...» [1, с. 133] О роли в творческих свершениях Декарта в физике его достижений в геометрии Вольтер высказался следующим образом. «Геометрия была путеводной звездой, которую он сам до некоторой степени создал, и она уверенно вела его по путям физики...» [1, с. 133 – 134]. Здесь же Вольтер оценивает следующий аспект вклада Декарта и в применение своих достижений в геометрии при разработке теперь конкретно уже диоптрики. «Он внес этот дух геометрии и изобретательства в диоптрику...» [1, с. 133].

Однако Вольтер не только фиксировал достижения Декарта в математике и физике, но и то в продуктах его творчества, что давало ему основание следующим образом оценить эти последние: «но в конце концов он оставил эту звезду и предался духу системосозидания; с этого момента его философия стала всего лишь увлекательным романом, самое большее, правдоподобным для невежд» [1, с. 134].

И далее Вольтер перечисляет те составляющие позиции Декарта, которые он оценивает как ошибки. «Он ошибался по поводу природы души, по поводу доказательств существования бога, по поводу материи и законов движения, а также относительно природы света; он допускает врожденные идеи, открывает новые элементы, творит мир, преобразует человека на свой собственный лад...

Он зашел в своих метафизических ошибках столь далеко, что утверждал, будто два плюс два дают четыре лишь потому, что того пожелал бог» [Там же].

В связи с этим признанием Вольтером наличия метафизических ошибок, по сути дела фантазий, у Декарта делаю предме-

том внимания следующее обстоятельство. Декарт категорично утверждал, во всяком случае в книге «Первоначала философии», *«что не может быть никакой пустоты в том смысле, в каком понимают это слово философы»* [10, с. 356] (курсив Декарта). А Вольтер относительно признания существования пустоты обращает внимание читателя на позицию Ньютона: *«Ньютон доказал наличие пустоты...»* [4, с. 505]. Причем, как видим, Вольтер утверждает здесь, что Ньютон именно «доказал» существование пустоты. Так что отрицание реальности пустоты не могло не быть признано, с точки зрения Вольтера, ошибочным, причем ошибочным на весьма немаловажном уровне воззрений на телесный мир. Но делал ли Вольтер такое признание предметом своего внимания, непосредственно указывая на конкретно эту позицию Декарта, установить по данному его утверждению невозможно.

Но и здесь же, непосредственно ли признав ошибочными определенные составляющие позиции Декарта, или же только давая основание для такого признания также и только что рассмотренной ее составляющей, Вольтер не упускает возможности отметить то, что заслуживает у него положительной оценки. *«Но не будет сильным преувеличением сказать, что даже в своих заблуждениях он заслуживал уважения: он ошибался, но, по крайней мере, за этим стоял его метод и дух последовательности; он сокрушил нелепые химеры, которыми забивали головы юношества в течение двух тысяч лет; он научил своих современников рассуждать и даже обращать это оружие против него самого; и если он платил неполноценной монетой, то, по крайней мере, ему принадлежит заслуга обесценения фальшивых денег»* [1, с. 134].

В контексте предприняемого мной в этой статье рассмотрения внимания Вольтера к заслугам Декарта в разработке материалистической ориентации в нововременной философии, заслуживает быть отмеченным выделение этим автором в философской позиции Декарта проявлений прежде всего этой ориентации. Вот показательный в этом плане текст Вольтера. *«В самом деле, если материя, как это утверждают множество философов и сам Декарт, бесконечна, значит, она сама по себе обладает атрибутом верхов-*

ного бытия; если пустота немыслима, значит, материя существует необходимо; а если она существует необходимо, она существует извечно; в соответствии с подобными принципами можно, таким образом, вполне обойтись без бога – творца, создателя и хранителя этой материи» [5, с. 625]. Как видим, Вольтер отчетливо усматривает наличие в философской позиции Декарта материалистической составляющей. Это – одна из действительно имеющих у Декарта составляющих его философии. Ей я уделил внимание в ряде предыдущих статей, специально посвященных этому (см.: [6]; [7]; [8]). Ее наличие у Декарта Вольтер и зафиксировал в приведенном тексте. Правда, при изложении этой составляющей позиции Декарта Вольтер от некоторых ее деталей абстрагировался. Но при этом на самое существенное в ней он указал. Более того, Вольтер видит и ее несоответствие декларированным самим же Декартом основным принципам его философии. Действительно, далее здесь же читаем у Вольтера следующие строки. «Я хорошо знаю, что Декарт и большинство школ, веривших в заполненное пространство и безграничную материю, в то же время допускали существование бога; но это лишь потому, что люди не рассуждают и не ведут себя в соответствии со своими принципами» [5, с. 625]. Конкретно в обсуждаемой мной сейчас ситуации признание Декартом существования бога – едва ли не самый фундаментальный из его принципов. Но и фактическое декларирование им же бесконечности материи означает возможность в представлениях о мироздании вполне обойтись без бога.

Считаю уместным теперь зафиксировать в контексте реализации основной темы данной статьи наличие проявлений признания и самим Вольтером возможности при объяснении человеческого мышления обойтись без привлечения признания существования как того, что именуется душой у человека, так и бога. Вот весьма пространные его суждения об этом.

«Говоря по-человечески, речь идет о том, чтобы понять, что такое душа.

1) Слово *душа* принадлежит к тем словам, которые всякий произносит, не понимая их смысла. Мы понимаем лишь вещи, относительно которых имеем какую-либо идею; но у нас нет никакой идеи души, или разума, следовательно, мы его не понимаем.

2) Мы предпочитаем именовать «душой» способность думать и чувствовать, подобно тому как мы именуем *зрением* способность видеть, *волей* – способность желать и т. д.

Но потом появились резонеры, заявившие:

«Человек состоит из материи и духа: материя протяженна и делима, дух – не протяжен и неделим; итак, он – иной природы, – утверждают они, – итак, человек – это сочетание сущностей, не имеющих друг к другу никакого отношения и объединенных между собой богом вопреки их природе»» [1, с. 116].

И воспроизводя далее фантазии таких резонеров, Вольтер указывает на Декарта как одного из них, формулируя следующий вопрос: «о чем думали души Декарта и Мальбранша, когда они сочиняли подобные бредни?» [1, с. 118]. Как видим, рассматриваемые здесь представления о душе человека как не имеющей отношения к телу человека Вольтер называет бреднями, а Декарта – тем, кто их сочинял. Позиция же Вольтера, которая демонстрируется этим его вопросом, не может не быть оценена как в данном случае материалистическая в вопросе о соотношении души и тела у человека.

Вполне естественным выглядит с учетом этого и следующий тоже вполне материалистический вывод Вольтера: «я могу приписать способность думать и чувствовать своему телу; итак, я не должен искать эту способность в ином существе, именуемом *душою*, или *духом*, о котором я не могу иметь ни малейшего понятия» [1, с. 120]. О том, насколько значимым для себя считал Вольтер признание способными мыслить специфические материальные образования сами по себе, наглядно свидетельствует то, что, признав это, он считает уместным написать следующее буквально перед этим. «Я могу думать, что бог придал частицы разума частицам материи, организованным так, что они способны мыслить; я могу считать, что материя мыслит в соответствии с тонкостью ее ощущений и что именно ощущения – это ворота и мерило наших идей...» [1, с. 119]. Бог здесь Вольтером, как видим, тоже упомянут, но это не повлекло отказ от признания того, что материя мыслит в соответствии с тонкостью своих ощущений, стало быть, самостоятельно, сама по себе. А декларация, что материя такова сама по себе, открывает возможность признать ее таковой и без исповедания веры в то, что она сотворена богом.

Нельзя не видеть, что для Вольтера характерно неприятие весьма существенных для Декарта христианских религиозных догматов, прежде всего провозглашенных в качестве таковых тех, которые соответствуют его, Декарта, собственным утверждениям. Вот показательный в этом отношении еще один текст Вольтера. «Наш Декарт, рожденный для того, чтобы вскрыть заблуждения античности, но также и для того, чтобы на их место водрузить свои собственные, будучи увлечен духом систематизации, ослепляющим самых великих людей, вообразил, что сумел доказать, будто душа – то же самое, что мышление, подобно тому как материя, по его мнению, то же самое, что протяженность; он уверял, что люди мыслят постоянно и что душа прибывает в тело, заранее снабженная всеми метафизическими понятиями, имеющая представления о боге, пространстве и бесконечности, обладающая всеми абстрактными идеями и, наконец, переполненная всех тех прекрасных знаний, которые она, к несчастью, забывает, когда выходит из материнского чрева» [1, с. 110]. Нельзя не признать, что здесь Вольтер весьма едко признает заблуждениями отмечаемые им как выдвинутые самим Декартом положения его философии.

Столь же ироничен Вольтер, касаясь еще одного аспекта подобных утверждений Декарта в следующем тексте. «Что до меня, то я горжусь честью быть в этом пункте таким же тупицей, как Локк: на одна живая душа никогда не заставит меня поверить, будто я постоянно мыслю; и я не более, чем он, чувствую себя настроенным воображать, будто уже через несколько недель после моего зачатия я обладал весьма ученой душой, знавшей тогда тысячи вещей, кои я позабыл, рождаясь на свет, и без всякой пользы располагавшей в *материнской утробе* знаниями, ускользнувшими от меня как раз в тот момент, когда они могли мне понадобиться; вдобавок ко всему я никогда не сумел их себе вернуть» [1, с. 111] (курсив Вольтера). Здесь Вольтер не напоминает, что речь у него идет об утверждениях Декарта. Но это так. Ведь этот текст Вольтера находится на следующей странице после приведенного мной перед этим идентичного по существенным составляющим содержания того текста, где указывается, что речь идет о заблуждениях конкретно Декарта. Таким повторным иронизи-

рованием по поводу этих утверждений Декарта Вольтер наглядно демонстрирует, насколько критична его их оценка. Мало того, еще через четыре страницы Вольтер снова, уже третий раз, возвращается к этой же теме у Декарта. Там Вольтер помещает следующую фразу: Декарт «уверяет нас, что душа человека – это субстанция, сущность которой – мышление, что она постоянно мыслит и в материнской утробе занята великими метафизическими идеями или не менее замечательными всеобщими аксиомами, которые в дальнейшем позабывает» [1, с. 115]. Здесь важно еще раз зафиксировать то, что Вольтер не придерживается признания души субстанцией, а, напротив, считает, что именуемое душой есть способность думать и чувствовать такого существа, у которого она имеется.

Теперь пришел черед обратиться к позиции Вольтера в вопросе о существовании бога. Там, где он в приведенных только что текстах критически оценивает специфические для Декарта аспекты содержания его веры в бога, эта его критика направлена не против веры в бога как таковой, а всего лишь против того ее варианта, который определяет ее специфику у Декарта. Вольтер – тоже религиозный человек. А объявление надобности того, кто делает предмет своего интеллектуального интереса объяснение существующего миропорядка, в признании бога первопричиной этого миропорядка, у Вольтера выражено неоднократно.

И вот как он оправдывает надобность все ж таки прибегать к этой вере, прежде всего при обращении к исследованию первопричин всего сущего. В его «Философских письмах» читаем следующие строки. «В самом деле, может ли существовать более религиозная философия, чем эта, которая, не утверждая ничего, кроме вещей, до конца ей понятных, и умея признавать свою слабость, говорит вам, что, как только вы приступаете к исследованию первопричин, надо тотчас же прибегать к богу» [1, с. 114]. Также и в «Метафизическом трактате» Вольтер характеризует бога как «бесконечно мудрого высшего бытия» [2, с. 260]. Здесь же имеется и следующее утверждение. «Есть нечто существующее, значит, некое бытие существует извечно, значит, оно бесконечно, значит, все остальные существа проистекают из него неведомо каким образом...» [Там же]. Столь же определенно существование бога

утверждается, причем тоже неоднократно, в произведении Вольтера «Основы философии Ньютона». Привожу следующие два. Первое: «Философия достаточно хорошо показывает нам существование бога...» [3, с. 280]. Второе более пространное. «Я исхожу, прежде всего, из признания невозможности движения материи самой по себе; необходимо, чтобы она получала это движение извне; но она не может получить его от другой материи, ибо это было бы противоречием; следовательно, нужно, чтобы движение производила иная, имматериальная причина. Имматериальная причина – бог, и здесь необходимо принять во внимание, что ходячая аксиома «Не следует прибегать к богу в философии», хороша лишь тогда, когда надо объяснить непосредственные физические причины. ...Не так обстоит дело с первыми принципами вещей: в этом случае невеждой оказывается тот, кто не прибегает к богу, потому что либо бога не существует вообще, либо первые принципы могут быть только в боге» [3, с. 310]. Показательно и наделение здесь же Вольтером бога характеристиками: «вечный разум» и «верховный интеллект» (см.: [3, с. 275, 276]).

По приведенным утверждениям Вольтера нельзя не заключить, что ими отчетливо выражена его приверженность признанию своей неспособности браться за реальное постижение того, что имеет статус первопричин всего сущего, т. е. выражена его позиция откровенного агностицизма в вопросах, которые он оценивает как имеющие первостепенную значимость – о первопричинах. И одновременно он объявляет, что, приступая к исследованию первопричин, надлежит «прибегать к богу». Так что признание непостижимости того, что есть первопричина всего, и служит Вольтеру доводом в пользу веры в бога. Словом, эта вера фактически признана базирующейся единственно на добровольном отказе от признания для себя возможности применения своих познавательных способностей в ситуации, когда речь идет о том, имеет ли наличный материальный мир субстанциальный статус.

Мало того, показательны для оценки обоснованности для самого Вольтера своих религиозных воззрений и следующие его утверждения. «Мы доказательно знаем, что, если бог существует, он свободен; одновременно мы знаем, что он всеведущ; но и это

провидение, и это всеведение столь же для нас непостижимы, как и его безграничность, его бывшее и будущее бесконечное бытие, акт творения, сохранность Вселенной и многие другие вещи, ни отрицать ни познать кои мы не способны» [2, с. 264]. Нельзя не видеть, что здесь Вольтер делает явно несостоятельное утверждение, но этого не замечает. Действительно, с одной стороны, он ведет речь о способностях бога как о его очевидных для самого Вольтера способностях. А, с другой стороны, Вольтер здесь же признает, что наиболее существенные составляющие содержания представлений о боге людей, верующих в него, стало быть и перечисленные им в только что приведенном мной его тексте, «для нас непостижимы». Но если они оцениваются Вольтером как для нас, стало быть, и для Вольтера, непостижимые, то это ведь прямое признание им того, что он не только ведет речь о том, о чем ему невозможно что-либо узнать, но и утверждает реальность существования этого. А такое утверждение нельзя не признать несостоятельным.

Здесь же уместно обратить внимание на следующие ключевые для оценки приведенной составляющей позиции уже не Декарта, а Вольтера как его критика. При той итоговой установке (правиле, схеме, «логике»), которую он реализует приведенными мной выше его утверждениями, нечто более совершенное имеет своим творцом то, что отличается еще большим совершенством, чем творимое им. Причем этой итоговой установке он тотчас придает значимость исходной в его обосновании веры в верховного божественного творца всего сущего. Но руководствуясь этой установкой самой по себе, следует и у признаваемого верхом совершенства бога признать тоже наличие еще более совершенного творца. А это противоречит признанию бога именно верхом совершенства, т. е. тем, по отношению к чему не может быть ничего более совершенного. Так что принятие этой установки как провозглашенной в качестве исходной оказывается несостоятельным, ибо оборачивается неизбежностью ее невыполнения, невозможностью следования ей. Но такой вывод надлежит сделать, если последовательно придерживаться указанной мной выше исходной для Вольтера установки. Вольтер же этого не делает.

Ему важнее демонстрировать приверженность позиции признания существования единого бога, управляющего всем в мироздании, в том числе и управляющего самим собой, своими деяниями. Он – непосредственно разум, причем такой, который имеет волю и реализует свои желания. Об этом читаем у Вольтера следующий текст. «Ясно, что этот необходимый, деятельный верховный разум имеет волю и он устроил все потому, что так захотел» [4, с. 507]. Так что при всей своей настойчивости в критической оценке ряда фундаментальных для Декарта положений его учения, в том числе и положений о роли бога в качестве непосредственной причины всего происходящего в мироздании, Вольтер приведенным мной только что текстом продемонстрировал, что и сам он приверженец признания этой же роли бога. Но это не делает менее значимой для последующего развития французской философии рассмотренную мной выше осуществленную им же критическую оценку такого же решения и Декартом вопроса о непосредственной роли бога. Эта ситуация у Вольтера только демонстрирует его непоследовательность в этом вопросе, далеко не второстепенном не только для него, но и для всей европейской философии того времени.

Подводя итоги, есть резон сопоставить материалистические составляющие позиций Ньютона и Вольтера. Ньютон – мыслитель, сосредоточившийся на исследовании природы и при этом внесший в создание новоевропейской физики выдающийся вклад. Соответственно, он не просто продолжил материалистическую составляющую воззрений своих нововременных предшественников, в том числе и Декарта, а осуществил выдающийся вклад в ее разработку и утверждение в сознании прежде всего деятелей науки. А Вольтер в большей степени занят обсуждением философских вопросов. И осуществляя это, он делает упор на декларирование и демонстрацию той составляющей своей позиции, которая характеризуется усилиями оправдать признание роли бога в функционировании телесного мироздания. И эту составляющую своей позиции он демонстрирует, следующим образом характеризуя негативную оценку уже одним из французских материалистов XVIII в., а именно, П. А. Гольбахом, обращения в философии к конечным причинам, т. е. к богу. «Автор «Системы природы»

с пренебрежением пишет о конечных причинах, ибо, по его мнению, это – избитый довод...» [5, с. 666]. Вместе с тем, заявляя о своей приверженности вере в бестелесного бога, и сам Вольтер при рассмотрении конкретно вопроса о соотношении функционирования, с одной стороны, этого бога и, с другой, – телесного мироздания, демонстрирует, как мы видели, наличие в своей философской позиции отчетливой материалистической составляющей.

Литература

1. *Вольтер Ф. М.* Философские письма // Вольтер Ф. М. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. – С. 70 – 226.
2. *Вольтер Ф. М.* Метафизический трактат // Вольтер Ф. М. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. – С. 227 – 274.
3. *Вольтер Ф. М.* Основы философии Ньютона // Вольтер Ф. М. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. – С. 275 – 320.
4. *Вольтер Ф. М.* Надо сделать выбор или принцип действия // Вольтер Ф. М. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. – С. 501 – 538.
5. *Вольтер Ф. М.* Философский словарь // Вольтер Ф. М. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. – С. 620 – 716.
6. *Горан В. П.* Материалистическая составляющая в философии Р. Декарта: ее наличие в трактовке соотношения ума человека и функционирования его мозга // Философия науки, 2022, № 1 (92). – С. 3 – 20.
7. *Горан В. П.* Материалистическая составляющая в философии Р. Декарта: признание за телесным мирозданием статуса субстанции // Философия науки, 2022, № 2 (93). – С. 18 – 35.
8. *Горан В. П.* Материалистическая составляющая в философии Р. Декарта: проработка альтернативных библейским допущений, заявляемых как заведомо ложные // Философия науки, 2023, № 1 (96). С. 3 – 17.
9. *В. П. Горан.* Влияние Р. Декарта на последующее развитие материалистической составляющей философии Нового времени и науки: Б. Спиноза // Философия науки, 2024, № 3(102). – С. 3 – 23.
10. *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. – С. 297–422.
11. *Котес Р.* Предисловие издателя ко второму изданию // Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: Наука, 1989. – С. 4 – 21.
12. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. – С. 1 – 662.

References

1. *Volter F. M.* (1988). *Filosofskie pis'ma* [Philosophical letters] // Volter F. M. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical writings], 70 – 226. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).
2. *Volter F. M.* (1988). *Metafizicheskiy traktat* [Metaphysical treatise] // Volter F. M. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical writings], 227 – 274. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).
3. *Volter F. M.* (1988). *Osnovy filosofii N'yutona* [Fundamentals of Newton's Philosophy] // Volter F. M. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical writings], 275 – 320. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).
4. *Volter F. M.* (1988). *Nado sdelat' vybor ili printsip deistviya* [Need to make a choice or principle of action] // Volter F. M. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical writings], 501 – 538. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).
5. *Volter F. M.* (1988). *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary] // Volter F. M. *Filosofskie sochineniya* [Philosophical writings], 620 – 716. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.).
6. *Goran V. P.* (2022). *Materialisticheskaya sostavlyayushchaya v filosofii R. Dekarta: ee nalichie v traktovke sootnosheniya uma cheloveka i funktsionirovaniya ego mozga* [The materialistic component in the philosophy of R. Descartes: its presence in the interpretation of the correlation of the human mind and the functioning of his brain] // *Filosofia nauki* [Philosophy of Science], 1 (92), 3 – 20.
7. *Goran V. P.* (2022). *Materialisticheskaya sostavlyayushchaya v filosofii R. Dekarta: priznanie za telesnym mirozdaniem statusa substantsii* [The materialistic component in the philosophy of R. Descartes: recognition of the status of a substance behind the corporeal universe] // *Filosofia nauki* [Philosophy of Science], 2 (93), 18 – 35.
8. *Goran V. P.* (2023). *Materialisticheskaya sostavlyayushchaya v filosofii R. Dekarta: prarabotka al'ternativnykh bibleiskim dopushchenii, zayavlyayemykh kak zavedomo lozhnye* [The materialistic component in the philosophy of R. Descartes: the study of alternative biblical assumptions, declared as deliberately false] // *Filosofia nauki* [Philosophy of Science], 1 (96), 3–17.
9. *Goran V. P.* (2024). *Vliyanie R. Dekarta na posleduyushchee razvitiye materialisticheskoi sostavlyayushchei filosofii Novogo vremeni i nauki: B. Spinoza* [The influence of R. Descartes on the subsequent development of the materialistic component of the philosophy of modern times and science: B. Spinoza] // *Filosofia nauki* [Philosophy of Science], 3 (102), 3 – 23.
10. *Descartes R.* (1989). *Pervonachala filosofii* [Principia Philosophiae]. In: *Descartes, R. Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vol.], vol. 1, 297 – 422. – Moscow, Mysl. Publ. (In Russ.).

11. *Kotes R.* (1989). Predislovie izdatelya ko vtoromu izdaniyu [The preface of the publisher to the edition second]. In: *Newton I. Matematitseskie nachala natural'noi filosofii* [. *Kotes R.* Publisher's preface to the second edition // *Newton I. Mathematical principles of natural philosophy*], 4 – 21. – Moscow, Nauka (In Russ.).

12. *Newton I.* (1989). *Matematitseskie nachala natural'noi filosofii* [Mathematical principles of natural philosophy], 1 – 662. – Moscow, Nauka (In Russ.).

Информация об авторе

Горан Василий Павлович – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
goran@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Goran Vasilij Pavlovich – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russian).
goran@philosophy.nsc.ru

Дата поступления 10.09.2025
Принята к публикации 23.12.2025